

Проект последней войны за мир

Философские вздохи

ПЕТАР БОЯНИЧ

Институт философии и социальной теории, Белградский университет,
Сербия; Уральский федеральный университет (УрФУ),
Екатеринбург, Россия, bojanicp@gmail.com.

Ключевые слова: Иоганн Готлиб Фихте;
естественные границы; закрытое торговое государство;
последняя война; философская привилегия;
торговая война; государственный суверенитет.

Статья рассматривает концепцию Иоганна Готлиба Фихте о «закрытом торговом государстве» и его взгляды на войну и границы. Автор анализирует использование Фихте термина «естественные границы» и его роль в легитимации консолидации государства посредством войны. В работе исследуется аргумент Фихте о том, что философы исторически «вздохали о войнах», и его утверждение о неизбежности войны в текущем положении дел. Фихте предлагает для отмены войны устранить ее первопричину, позволив каждому государству обрести свои естественные границы. Автор углубляется в понятие Фихте о «закрытом торговом государстве» и его связь с идеей естественных границ. Фихте представляет это государство как самодостаточное и обособленное от других, с четко определенными границами. Также обсуждается концепция «внутренних границ» как средства преодоления и замены естественных границ.

В статье рассматривается обоснование Фихте «последней войны», которая положит конец всем будущим войнам путем установления естественных границ. Автор критикует логику этого аргумента, отмечая, что он потенциально может привести к глобальному конфликту. Анализируется попытка Фихте сделать эту последнюю войну максимально мирной, включая его идею «оккупационного марша» вместо кровопролитного конфликта. Автор утверждает, что эта концепция основывается на отрицании существования «другого» государства. Наконец, в статье обсуждается взгляд Фихте на торговую войну и ее связь с территориальными конфликтами. В заключение автор размышляет о том, как проект Фихте о закрытом государстве в конечном итоге обращается внутрь себя, отрицая само понятие границ как способа взаимодействия с другими.

В О ФРАГМЕНТЕ текста, который мы процитируем ниже, есть понятие, которое — будучи неопределенным, может быть оспорено, — сближает институт философии и войны. Это понятие *границы*. Историю использования термина «*естественные границы*» (*die natürliche Grenzen*) можно рассматривать как ложную или фиктивную историю легитимации войн, которые ведут государства, чтобы укрепить себя в качестве государственного образования. Действительно, как мы увидим ниже, догма суверенитета, или суверенитета как института, ставится под сомнение через очерчивание границ, с которых начинается суверенитет одного государства и, соответственно, заканчивается суверенитет другого. Проведение новых границ неизменно означает отказ от существующих, что является просто окольным путем постановки вопроса о пространстве, конституции самого государства и отношениях между государствами. Таким образом, пробираясь один за другим через вопросы, поднимаемые понятием границы, мы приходим к пониманию того, что определение границы есть не что иное, как *мышление*; потому что определение границ, понимание актов ограничения или трансгрессии существующих ограничений — это чистые акты мышления. Как и политическое действие, основы мышления следуют за меандрами линии, которую нельзя пересекать или, напротив, необходимо пересечь. Достигнув этого последнего перехода, добавим еще одно: начало осмысления факта мышления, или осмысление ограниченного пространства, обязательно требует фикции и ее преодоления.

Этот механизм, манипулирующий вымыслом, может иметь в качестве своего *агента* только «вздых» философа. Этот «вздых» философа — а также его жалоба, как мы увидим позже, — придает границам законность, но эта законность проистекает из войны. С этой точки зрения война — это средство достижения тотальной и закрытой институции. Один из ее смыслов сводится к проведению четких линий и границ. Но бывает и наоборот: границы, поскольку они стремятся к детерминации, постоянно подпитывают

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00851.

войны, в чем бы они ни выражались. Приведем фрагмент текста Иоганна Готлиба Фихте, взятый из его работы «Замкнутое торговое государство»:

Вздыхать о войнах (*über die Kriege zu seufzen*) всегда было привилегией философов (*das Privilegium des Philosophen*). Автор (*der Verfasser*) любит их не больше, чем кто-либо другой; но он полагает (*er glaubt*), что ощущает их неизбежность (*die Unvermeidlichkeit*) при нынешнем положении дел, и считает неуместным жаловаться на неизбежное (*über das Unvermeidliche zu klagen*). Чтобы уничтожить войны, следует уничтожить причины (*des Grund*) войн. Каждое государство должно получить то, что оно намеревается получить путем войны (*durch Krieg*) и получение чего было бы разумным, — свои естественные границы (*seine natürlichen Grenzen*). С этого момента (*Von nun*) ему больше нечего требовать от других государств, ибо оно владеет тем, на что претендовало. И другому с него нечего искать, ведь оно не выходит за пределы своих естественных границ и не внедряется в границы другого государства (*in die Grenzen eines anderen eingerückt*).

Государство, которое намерено замкнуться в себе как торговое государство, должно, прежде чем это наступит, расширяться или сократиться до своих естественных границ¹.

Используя эти слова одно за другим, Фихте будто нанизывает на нить жемчуг: *привилегия, вздох, война, неизбежность, отмена войны, отмена причины войны (der Grund der Kriege)*. Раковина с жемчужиной открывается и закрывается *естественными границами*. Этот термин придает смысл изложению Фихте или, лучше сказать, без этого термина драгоценность, которую Фихте предназначил своему прославленному корреспонденту, была бы бесполезной. История этого понятия, вероятно, столь же длинна, как и отрицание возможности существования естественных границ. Стоит отметить, как долго длился антагонизм между *physis* и *nomos* по поводу места, обозначающего границу. Как правило, именно во имя границы, задуманной политической властью и выраженной в юридических терминах, физический барьер отрицается как граница².

1. Фихте И. Г. Замкнутое торговое государство // Соч.: В 2 т. / Сост. и прим. В. И. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. Т. II. С. 325 (перевод изменен).
2. Очевидно, что геофизическая конфигурация и, следовательно, естественные границы, воспринимаемые как *барьеры*, сразу же приводят нас в соприкосновение с военной наукой. Мы увидим, что литература о границах подчеркивает еще одно различие между «естественными границами» и «искусственными границами».

Но нас интересует другой факт³. Прежде всего мы хотим знать, имеют ли многочисленные прилагательные, используемые для определения границы — естественная, внутренняя, абсолютная, — функцию неоспоримой фиксации того, что на самом деле является нестабильным и фиктивным. Почему классификаторы «естественный» и «природа» доминируют над всеми остальными? И каким образом *естественность* и *природа* выражаются в праве, то есть участвуют в правовом определении суверенитета государства? Является ли *естественным* только то, что географически определено, то, что нельзя переместить или пересечь? Является ли «естественностью» «естественных границ» тот факт, что территория имеет собственные пределы, которые, будучи институционализированными, становятся границами? Или, напротив, смысл «природы» «естественных границ» в том, что они апостериори или априори обеспечивают и сохраняют национальное единство и скреплены печатью закона? Иными словами, не становится ли граница как таковая, вместо того чтобы быть совершенно реальной, фиктивной, и тем больше, чем больше мы хотим сделать ее постоянной, используя постоянные уточнения?

Чтобы найти ответы на эти вопросы, не следует ли, когда мы хотим проследить историю границы, рассматривать термины *природа* или *естественное* в конструкции «естественные границы» как самостоятельное дополнение, имеющее свою историю, параллельную истории границы? В дальнейшем мы увидим, что любые попытки уточнить термин «граница» этими различными нюансами ничего принципиально не меняют: понятие границы, хотя и сопровождается этими дополнениями, остается недостаточно точным.

Следуя за Фихте и его термином «естественные границы», мы выделим несколько моделей границ, которые будем анализировать на разных этапах этого текста. Аксиома Фихте заключается в том, что государство кладет конец господству «природы войны», положению дел, когда «каждый противостоит каждому». В такой ситуации, когда «никто не свободен, потому что все безграницны»,

3. Существуют также *оригинальные границы, невидимые границы*... Карл Хаусхофер проводит различие между *естественной* и *справедливой* границей (*echte Grenze*) (Haushofer K. Grenzen in ihrer Geographischen und politischen Bedeutung. B.: Vowinkel, 1927. S. 17). Жан Жироду в книге «Полномочия» поддерживает нацистскую концепцию границы, утверждая, что правовые границы государства могут оставаться неизменными, в то время как его расовые границы постоянно разрушаются (Giraudoux J. Pleins pouvoirs. P.: Gallimard, 1939. P. 76). Фихте рассуждает противоположным образом: *внешние границы можно пересекать, а внутренние границы священны* (Balibar É. Fichte et la frontière intérieure // Idem. La crainte des masses. P.: Galilée, 1997. P. 136).

объединение «изолированных» приводит к «договору», который порождает «должное благо».

Только государство соединяет неопределенное количество людей в замкнутое целое, в общность (*Allheit*)...⁴

Проблема внутреннего/внешнего, возникающая в зависимости от степени интенсивности разделения, вносит два варианта в фихтеанскую концепцию замкнутости. Так, состояние «войны-природы» внутри исчезает через реализацию замкнутости естественными границами. Такой порядок вещей должен быть установлен таким образом, чтобы закрыть и тайную коммерческую войну снаружи, то есть войну вообще между государствами, поскольку, напомним, война, в чем бы она ни выражалась, возникает из-за границ, которые не разграничивают территорию посредством естественных рубежей. Фихте был особенно озабочен первым из этих двух последствий естественных границ.

Поддержание внутреннего спокойствия (*der inneren Ruhe*) необходимо является первейшей задачей правительства и должно предшествовать стремлению к увеличению своего внешнего могущества, ибо первое является условием второго (*indem die letztere durch die erstere Bedingt ist*)⁵.

Если государство отменяет «войну с природой», то самым актом установления границ — установление внутреннего мира и конституирование государства являются двумя сторонами одного и того же акта — состояние природы, переживаемое внутренне, переносится вовне, и таким образом это состояние природы становится реальностью отношений между нациями или между государствами. Границы, таким образом, являются архитекторами возвращения к насилию природного состояния. Хотим мы того или нет, но «природа» и «естественное», что бы они ни означали, всегда находятся на границах.

Когда Фихте представляет себе модель государства, его географическое положение не имеет значения, но когда модель используется для объединения Германии, эта концептуализация приобретает большое значение. Фихте постулирует, что это закрытое государство имеет свое собственное географическое пространство и суверенную власть, чтобы выразить себя в этом пространстве. В этом смысле естественные границы (реки, горы, моря) представ-

4. Фихте И. Г. Указ. соч. С. 238.

5. Там же. С. 312 (перевод изменен).

ляются predetermined границами «закрытого» государства⁶. Таким образом, поверхность земли образует единое целое с ее обитателями, но не потому, что последние выражают единство, а потому, что эта поверхность земли обладает всеми элементами, необходимыми для того, чтобы образование, состоящее из этих обитателей, не только выжило, но и процветало.

Каким образом термин «естественная граница» придает смысл как всему тексту Фихте, так и различным фигурам, которые Фихте вводит в его развитие? Каким образом термин «естественная» придает последовательность чему-то фиктивному? Конструируя термин «естественная граница», Фихте придает ему значение проекта, представляя его как нечто, чему суждено быть реализованным.

В чем Фихте видит привилегию философов? «Вздыхать о войнах (*über die Kriege zu seufzen*) всегда было привилегией философов». Отношение философов к войне показывает, что они любят войны. Они — любители войны. Надо сказать, что использование Фихте пафоса не помогает нам ясно увидеть ход его мысли. Этот термин в том виде, в каком он используется, не позволяет утверждать, что *вдох* выражает именно отношение античных философов к войне. Если этот термин выражает некое возбуждение и чрезмерность, свойственную любовной страсти, то позже Фихте смягчает его, используя другой: «сетовать» (*klagen*). Поскольку Фихте не дает никаких других комментариев к этим двум терминам, мы вынуждены искать правдоподобные значения.

Оба термина — глаголы, которые должны иметь свой объект. Вздыхание, таким образом, относится к временам, к древним временам, которые мы помним. В общем, когда человек вздыхает, он одновременно и сокрушается, иногда даже льет слезы. Фихте пользуется привилегией философов, чтобы погрузиться в древние времена, наполненные войнами. Таким образом, мы имеем два вида памяти — Фихте и философов; память философов, которые помнят войны древности, и память Фихте, который вспоминает в настоящем эту память древних философов. Мы не знаем, как Фихте организует это возвращение к далекому прошлому и к каким философам он обращается, чтобы выявить это прошлое в своем тексте. Мы хотели

6. В фихтеанской концепции будущего закрытого государства большая река или море как естественные границы имеют значение, противоположное тому, которое им придает Гегель: «Реки не представляют собой естественных границ, за каковые их выдавали в новейшее время, точно так же и моря скорее связывают между собою людей» (*Гегель Г. В. Ф. Философия права* // Пер. с нем. Б. Г. Столпнера // Соч.: В 14 т. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. Т. VII. С. 256. § 247).

бы подчеркнуть, что генеалогия этой философской привязанности к войне не имеет здесь большого значения. Важен секрет привилегии философов, секрет, скрытый глаголом *вздыхать* (*seufzen*), или секрет того, что делают философы... если они действительно вздыхают. В основе этого секрета лежат дихотомические отношения, которые философы организуют по отношению к своим привилегиям, где, на наш взгляд, и кроется ключевая привилегия философов.

Разве философ не полемизирует против привилегий, одновременно горько требуя, чтобы общество признало его собственные? Проблема его рассуждений о привилегиях заключается в том, что он подчеркивает различия между ними. Есть привилегии, которые Французская или другая революция, воплощающая принцип равенства, отменяет насильем, но творец этого уравнивания обусловлен этим «эгалитарным насильем», чтобы дать себе и другим новые привилегии. Привилегия, которую Фихте теперь дает себе, подводит нас к главному: он отменяет привилегию философов *вздыхать о войне*, открывая перспективу настоящей войны. В этом смысле *сетования на неизбежное* приобретают иной смысл, чем стоны философов об ужасах войны. Для Фихте *сетования* относятся к будущему. Нет смысла плакать, потому что война неизбежна. Таким образом, Фихте модифицирует *привилегию философов*, приписывая философам — по сути, самому себе — множество других привилегий, главная из которых — способность воспринимать будущее и знать, в чем заключается неизбежность (*die Unvermeidlichkeit*) этого будущего, или, точнее, неизбежность войн. Фихте находит эту неизбежность в положении дел, которое также неизбежно, потому что является *актуальным положением дел*. Таким образом, привилегия философов заключается не только в способности постигать прошлое, заглядывать в будущее, но и знать, что такое настоящее. Разумеется, все это не более чем все более дерзкая игра Фихте со временем и с изначальной привилегией философов. Привилегия измеряется актуальностью выражения привилегии: чем актуальнее выражение (чем актуальнее философия Фихте), тем шире рамки привилегии (тем больше свободы Фихте дает себе). Тот факт, что войны в прошлом приносили благо, является основанием для недовольства нынешним положением дел, тем более что это положение дел находится на границе между правом на привилегии древних прибегать к войне и ожиданием будущей войны, которая положит конец *тому, что есть*⁷.

7. Неизбежно, что нынешнее положение дел является питательной средой для войны. Если воспринимать мир из первых принципов, как это делает Фихте, то нет никакой разницы между поведением древних и современных людей.

Фихте разработал ряд концепций, призванных решить проблемы, связанные с *привилегией философов вздыхать* о войнах. Раскрывая секрет постоянства войны, он хотел поставить ее на службу чему-то высшему. Он использует фикцию, потому что видит упорство и распространение войны за пределы естественных границ. По его мнению, именно естественные границы скрывают в себе источник, из которого проистекают войны, и в то же время именно они окончательно иссушат этот источник. Эта своего рода перевернутая диалектика опирается на три понятия: причина (*Grund*), упразднение (*aufgehoben*) и единственное, на что можно с полным основанием рассчитывать (*vernünftigerweise*). Таким образом, поскольку война все еще существует, она неизбежна, потому что *существует причина*, а именно то, что у государства нет естественных границ. Если государство достигает их с помощью войны, то война перестает существовать, *она упраздняется*. Именно последняя из войн становится *рациональным* средством устранения собственной неизбежности и позволяет государству достичь своих естественных границ. Итак, с одной стороны, через войну (*durch Krieg*) государство получает то, чего ему не хватает, а с другой стороны, война упраздняет саму себя, потому что она упраздняет условие существования войн. Война предоставляет государству то, чего ему не хватает, а именно естественные границы. Последняя война — это последняя возможная война. Агрессивная война — это в то же время война оборонительная.

Слова «вздых» и «сетование» подавляются реальной привилегией философа, которая проистекает из веры в то, что он обладает даром воспринимать и знать, что такое неизбежность, неизбежность (*die Unvermeidlichkeit*) войн.

В итоге Фихте использует дискурсивные способы, которые позволяют ему представить несуществующее удовлетворение потребности как данность, дающую право на вывод. Так, успех проекта государства по окончательному обретению принадлежащего ему пространства позволяет ему сделать вывод: «С этого момента (*von nun*) больше нечего будет требовать от других государств» — с этого момента воцарится мир.

Von nun (с этого момента) — одна из любимых фраз Фихте, входящая в инструментарий всех известных создателей проектов. Несомненно, это звучит как простое высказывание. Но Фихте наделяет его гораздо более важной функцией: это фиктивное «*отныне*», которое на самом деле не осуществилось, становится началом, новым временем, временностью, а затем и привилегированной пространственностью, процедурами, которые философ использует для преодоления препятствий, которые реальность ставит перед

его привилегией. Через его выражение мы видим удивительную свободу, проявляющуюся в этом фрагменте.

В этом тексте Фихте без колебаний объединяет неопределенные понятия: проблему, поднятую его собственной деятельностью, он представляет под видом проблемы деятельности философов вообще; он покидает область философии, чтобы разработать проект, или, скорее, сформулировать — через описание *закрытого торгового государства* — решение политической проблемы. Это похоже на то, как если бы первоначальная привилегия была расширена несколькими привилегиями на некие языковые выражения, цель которых — поддерживать друг друга. Каждый шаг, начиная с первой привилегии, расширяет ее еще больше, и на пороге каждой доли этого движения вперед мы обнаруживаем бесконечность следующей. Такой процесс заслуживает того, чтобы его проблематизировать. Приводит ли первоначальная привилегия вздохнуть о войне к привилегии знать, почему она ведется и как она будет продолжаться? Чтобы ответить на этот вопрос, хотя мы готовы неоднократно возвращаться к *вздохам* Фихте о войне, мы попытаемся раскрыть этот круг привилегий, пойдя по второму пути.

Совершенно очевидно, что кардинальной привилегией философа, по мнению Фихте, является право на разработку проекта — проекта последней войны, а также проекта бесконечного мира. Эта привилегия обладания «правом на проект» проявляется в возможности двояко мыслить о возможности института, а именно о возможности закрытого торгового государства. Фактически фрагмент текста Фихте показывает нам эти два способа мышления о возможном через понятия, лишенные субстанциалистской детерминации: из чего состоят унаследованные или фактические границы государства и из чего состоят его естественные границы. В этом смысле проект биполярен. С одной стороны, он ставит перед собой цель зафиксировать и закрепить границу, которая порождает идеальное государство. С другой стороны, весь проект — это отмена границ, которые реально существуют, или, скорее, деструктуризация того, что есть. Фихте одновременно и критик, и строитель. Он разрушает и строит, но фиктивно. Кроме того, он очень реален: он придает своему проекту фиксированность, управляет им, использует его для придания смысла своей деятельности и выковывает для себя вполне конкретные привилегии.

Все элементы сейчас перед нами. Закон о привилегиях создает обширный философский, политический и юридический аппарат и механизм различных стратегий. Чтобы получить более четкую картину, мы воспользуемся римской правовой традицией, на которую постоянно ссылается Фихте, чтобы объяснить некоторые из значений,

приписываемых привилегии. Прежде чем разделить их на три группы, чтобы провести эти разделения и тем самым уловить различия между привилегиями — короче говоря, чтобы преодолеть трудность восприятия самой основы привилегии, — мы возьмем за основу точку зрения нормы, по общему признанию, вторичной (*Secundum*), которая легла в основу *Sententiae Paulus Iulius*. Она заключается в следующем: *Privilegia sunt strictissimae interpretationis*.

Конечно, эта нить, эта граница, где формируется привилегия и где она, следовательно, обусловлена вечной угрозой того, что нечто, обладающее правом на различие, правом на частность или на частное право, может легко оказаться за границей закона (вне закона). Строгое толкование необходимо для того, чтобы подчинить привилегию закону, потому что на самом деле привилегия — это своего рода закон внутри закона, закон для частного в рамках или наряду с законом, действительным для всех (*privilegium est quasi privata lex*). Привилегия — это одновременно и индивидуальный закон, и «не-закон»; точнее, это одновременно и то, что относится исключительно к индивиду, и то, что является предметом закона. Привилегия похожа на закон, но остается неясным, является ли она законом де-факто.

Вот значения, приписываемые привилегии, разделенные на три группы:

1. Два компонента этого значения. Первый: привилегия, или *jus singulare* (многие другие названия и синонимы не приводятся), — это дар, поскольку он предоставляется конкретной властью или инстанцией этой власти, что делает ее носителя привилегированным лицом, по крайней мере в том смысле, что она может предоставлять привилегии. Иными словами, речь идет о предоставлении чего-либо в интересах кого-либо, что противоречит общим нормам, применимым ко всем. Поэтому никто не в состоянии наделить себя какой-либо привилегией (*nemo sibi ipse beneficium dare potest*). Второй компонент, менее ясный, такого рода привилегий заключается в способности создавать для себя, а также добиваться своим собственным насилием, или аутогенной силой, права на существование. Точнее, переход от частного к публичному, от конкретного к закону, это насилие над фактами, находит свое основание в принципах возможной привилегии.

2. Передача (трансфер) привилегии. Привилегия — это дар, который отрицается, поскольку не может быть унаследован; он умирает со смертью его обладателя. Однако здесь есть апория, которую мы покажем с помощью правила Модестина Геренния, которое можно обнаружить в сочинении *Differentiae* (50, 17, 196). Права, связанные

с вещью и касающиеся вещей, передаются наследнику, тогда как права, касающиеся лица, не передаются (*quae personae sunt ad heredem non transeunt*). Таким образом, привилегия исчезает со смертью ее обладателя (то есть фактически она принадлежит простым смертным), и в этом смысле она не может быть предметом дарения или отчуждения. Более подробно мы рассмотрим это позже, а пока отметим, что, когда Фихте выдвигает принцип собственности прежде всего как право на деятельность, а не как право на вещь, он ставит это различие под сомнение. По сути, человек обладает правом на привилегию или конкретное право, но лишь постольку, поскольку он пользуется этим правом или извлекает из него пользу. Таким образом, условием является деятельность конкретного человека, на которого распространяется право определенного рода. В этом смысле привилегия не переходит от человека к человеку. Привилегия не передается в дар, поскольку вид деятельности, характерный для конкретного лица, никак не может быть отделен от этого лица (поскольку лицо должно быть «подарено»). Поскольку деятельность не является объектом дарения, право, относящееся к этой деятельности, также не может быть подарено.

3. Трудности, возникающие при строгом толковании того, что является и что не является привилегией, порождают постоянный вопрос о том, как остаться в рамках конкретного закона и не оказаться за его пределами. Мы увидим их полное выражение в третьем корпусе значений, образованном из правила: *Privilegium meretur amittere, qui permissa sibi abutitur potestate*. Таким образом, как следует из этого правила, злонамеренность привилегированного влечет за собой потерю привилегии; привилегия, используемая в злонамеренных целях, обречена на исчезновение. Действительно, тот, кто злоупотребляет возможностью, которую предоставляет право на привилегию, *заслуживает* потери своей привилегии, *заслуживает* того, чтобы его особое право было упразднено. Здесь важно подчеркнуть, что утрата данного конкретного права — это санкция лишения привилегии данного лица, а не санкция в отношении власти, которая породила это право или предоставила привилегию. В дополнение к этому первому условию пользования привилегией другие также стремятся обеспечить ее безупречное осуществление. Таким образом, данное конкретное право, или *jus singularis*, уничтожается или не должно существовать, если оно противоречит закону, наносит ущерб государству или противоречит общим интересам, то есть интересам тех, кто составляет большинство.

Вернемся теперь к Фихте и его «праву на проект». Мы уже поняли некоторые механизмы, с помощью которых искусно построе-

но «Замкнутое торговое государство», точнее, некоторые модели аргументации Фихте. Перечислим их еще раз. Чтобы проект реализовался, он не должен быть запрещен. Проект, или особое право философа, реализуется на перевале, полном опасностей, который разделяет запрет князя и то, что находится в философе «по его собственной воле» (*aus sich selbst*). Итак, один из источников привилегии — это переход между разрешением в смысле отсутствия запрета (единственное благословение и подтверждение или дар привилегии состоит в том, чтобы не запрещать) и самопорождаемым правом на собственную деятельность. Говоря словами Фихте, философ должен заниматься производством истины. Дело философа — принципы истины. От Гераклита или Сократа до Фихте — и именно традиция античных философов распространяется до Фихте — особое право или привилегия создаются посредством ссылки на то, что является делом философов. Поскольку место рождения всего, так или иначе, одно и то же, призыв к философствованию, призыв говорить правду, знать принцип самого мира и самого себя остается внутренним делом, а не внешним, как зарабатывание денег, ведение войны, торговля или политика. Нас интересует не корень этого призыва, этой склонности к философствованию, а именно то, каким образом он может стать публичным и социально признаваемым.

Изначально фихтеанская привилегия — это привилегия вызывания, способность вызывать, вспоминать, потому что философы древности тоже вспоминали. Это не только обращение к древним, но и подражание их деятельности, то есть деятельности воспоминания. Быть философом, по Фихте, явно означает следовать первому платоновскому принципу припоминания. И, более того, помнить вспоминающего, или помнить этого древнего философа, который вспоминает. Если мы снова обратимся к основополагающей привилегии Фихте — философам, вздыхающим над войнами, — то увидим, что философы помнят прежде всего то, что они помнят войны. Вздыхание несет в себе импульс к воспоминаниям. Но это не вульгарное воспоминание исторических воспоминаний, подобное тому, что делают политики, вспоминая войны, которые вели великие полководцы прошлых лет, и применяя свой опыт к ситуациям, в которых они оказываются, или к тем, которые представляются новыми. Разумеется, когда речь идет о воспоминаниях об истории, философ помнит не больше, чем политик. Именно поэтому Фихте использует глагол вздыхать, *zu seufzen*, чтобы отличить философа. Философ взывает, возвещает, страдает и оплакивает, но причина не в старых временах. Он не использует войну как инструмент,

даже если она приносит результаты, ссылаясь на прошлые войны. Оплакивание войн, являющееся привилегией привилегированного места, где проявляется публичное слово философа, — это желание, чтобы принципы были наконец найдены и реализованы, это своего рода ускорение воспоминаний. Таким образом, внутренний резерв активной силы будет раскрыт войной и тем самым исчерпан.

Но привилегия, привилегия вздыхания, — это точка встречи, где эвокация, воспоминание о том, что такое первые принципы и, следовательно, рефлексия, автоматически пересекаются с «правом на проект», который, благодаря тому, что он переживается, должен быть реализован. Именно этот интерьер философа, это время спекуляций, является единственным, который может быть обнародован как проект. Конечно, при условии, что он не будет запрещен. Корни слова — *porjeter* — указывают на это, поскольку оно означает выбрасывать, бросать на землю, блуждать по мере продвижения вперед как своего рода маркировка, нагромождение; но, отсылая к *projectus*, *projicere*, оно может быть также понято как случайная маркировка экстерьера, земли, как представление на земле интерьера с целью быть отвергнутым. Таким образом, гипотеза и проект переходят друг в друга и меняются местами.

Проект как своего рода граница между достижимым и недостижимым колеблется между вымыслом и фиксацией вымысла. Проект, несомненно, фикция, но логика его разработки и строгость исполнения, которые Фихте рассматривает отдельно, делают его последовательным и идеально завершенным, а значит, и понятным. Проект *закрытого торгового государства* на самом деле является *проектом проекта*, потому что конструкция проекта опирается именно на понятие границы, которая играет роль ключевой фигуры, но постоянно стремится к своей окончательной фиксации. Таким образом, форма и содержание проекта *закрытого коммерческого государства* совпадают. Вернемся к последнему предложению текста Фихте, которое уже цитировалось:

Государство, которое намерено замкнуться в себе как торговое государство, должно, прежде чем это наступит, расшириться или сократиться до своих естественных границ⁸.

Фихте, который уже указывал, что последняя война является условием достижения благополучия и мира, теперь определяет условия, необходимые для закрытия государства: государство должно вернуть то, что ему не принадлежит, государство должно определить

8. Фихте И. Г. Указ соч. С. 325.

свои границы (*sich einschränken*), государство должно расширяться, двигаться вперед (*vorrücken*). Приоритет он отдает третьему условию. Итак, в принципе граница движется (только) наружу, от воображаемого центра к столь же воображаемым краям. Как будто есть пробел, как будто чего-то не хватает; государство никогда не бывает полным, ему всегда не хватает немного, но всегда и бесконечно мало, чтобы закрыться. Поэтому государство в том виде, в каком оно есть сегодня, в настоящем, в существующем положении вещей, не может закрыться. Если мы обратимся к понятию, которое позже будет использовать Фихте, — внутренним границам (*innere Grenzen*), роль которых состоит в том, чтобы заменить и превзойти те, что были созданы изначально — естественные границы, — то эти точки отсчета выходят далеко за пределы реальных границ, существующих границ.

Закрытие — это то, что должно почитать всех своих будущих соотечественников и все свои обещанные территории. Такое временное расположение того, что есть (поскольку естественные границы — лишь фиктивные проекции, так же как существующие границы фиктивны из-за постоянных переходов иностранцев и врагов), и того, что обещано, — вот в чем секрет привилегированного места Фихте и его привилегированного положения. Запирание его дано, но не дано. Это фиктивное время, присутствующее на границе мысли, то есть между памятью и будущим, и есть принцип института. Фиктивные рамки ожидают своего фиктивного содержания, которого еще нет. Это «еще нет» или «еще немного» — это фиксированное время, возникающее между фиктивными границами, — делает институцию возможной.

Мы уже упоминали о своего рода институциональной тотальности (тотальном институте), или институте институтов, который для Фихте имеет двойной смысл. С одной стороны, это закрытое государство, также самодостаточное, настолько отделенное от других, что даже не подозревает об их существовании. С другой стороны, это закрытая система или текст, который способствует тому, чтобы философская система, которую строит Фихте, была закрытой, который делает проект и организует его завершение. Философ, или институт философии, стоит именно на границе между замкнутостью и тотальностью. Философ — единственный, кто владеет чужим знанием, потому что ему позволено пересекать границы и открывать новые обетованные земли. Он дает себе право пересекать границы и путешествовать. И, наконец, он тот, кто имеет привилегию вздыхать о войне *де-факто*, хранить память о крови в том, что было полностью пролито, и тем самым способствовать кровью ускорению реализации своего проекта. Таким образом, война — это

секрет институтов, но это также и секрет института философии, и, естественно, фундаментальная привилегия последнего.

Таким образом, этот новый путь, которым идет Фихте, и эта фундаментальная стратегия, которую он реализует — мы уже не раз говорили об этом, — обращена не только к полному закрытию государства, но и к определению наилучших путей для правительства этого идеального государства — назовем его так — для наиболее легкого достижения этой цели. Рассмотрим основной способ, который Фихте, в соответствии с привилегией Античности, предоставляет в распоряжение политика. У философа есть только одна привилегия: обосновать и убедить в необходимости последней войны, целью которой является подавление с помощью войны самой войны. Чтобы благодаря последней войне исключить возможность войны в будущем. Здесь есть своя нелогичность. Если естественных границ нет или они *де-факто* не являются теми, на которые государство заявляет свои права, то начинается война, потому что суверенитет другого государства является более сильной властью, чем право на естественные границы, рассматриваемое первым государством как свое собственное. Поэтому трудно сказать, являются ли естественные границы конечной причиной войны или наоборот. Являются ли предыдущие войны с учетом суверенитета, который вызывает каждое государство в отдельности, причиной неправильного распределения границ? Тогда является ли суверенитет «другого государства», само его право на расширение, причиной войны, которая, как мы видели, неизбежно разразится? Следуя логике последней войны, эта война должна превратиться в мировую, потому что все границы будут поставлены под вопрос и они же станут причиной вражды. Фихте видит эту нелогичность и стремится ее устранить. Поэтому он старался сделать эту последнюю войну как можно более мирной. Конкретно он хотел, чтобы ее исполнение и эффективность представлялись как существующие при почти полном отсутствии применения какой-либо силы, что также придавало бы ей характер локальной войны.

То правительство, о котором мы говорим, благодаря своему денежному богатству, имеет возможность так вооружиться и столько себе купить и нанять для этого из-за границы вспомогательных средств и сил, что ему не могло бы быть оказано никакого сопротивления. Оно могло бы достичь своих намерений без пролития крови и почти не пуская в ход оружия, и его операции носили бы скорее вид оккупации, чем войны⁹.

9. Там же. С. 346.

Затухание войны у Фихте фактически достигается ослаблением силы другого, или, точнее, отодвиганием его суверенитета на второй план. Это доходит до того, что мы можем сказать, что для Фихте другого больше не существует. Позже мы увидим и иные выражения этого небытия другого. Действительно, он стремится исключить возможность существования другого либо потому, что он мыслится как негативный, либо потому, что представление о его небытии играет роль регулятива, как это имеет место в процитированном отрывке. Только при таких условиях логика последней войны была бы действительной, а ее образ бескровного марша оккупации — возможным.

Тем не менее эта возможность, сведенная к расширению территории, производит впечатление современной в том смысле, что открывает нам, что страна, география и естественные границы как вечные или древние следы, выгравированные на земле, не имеют для Фихте решающего значения. Решающее значение для него имеют люди, которые живут на этих территориях и которые теперь должны быть ассимилированы.

В «Замкнутом торговом государстве» Фихте в нескольких местах конкретизирует одну из своих идей. Она касается закрытия государства. Это следует понимать как прекращение, прерывание внешней торговли, коммерческих отношений с тем, что является внешним по отношению к этому государству.

Как и в случае с войной, Фихте начал с того, что является изначальным и внутренним, с «природы войны», с «бесконечной войны всех против всех... противостояния продавцов и покупателей»¹⁰. Он пытался показать, что невозможно устранить войну, если отправной точкой не является торговая война между государствами. В обеих сферах торговля ведется без правил. Это и является причиной межгосударственной вражды. Территориальные границы, таким образом, являются основной причиной враждебной тенденции между государствами, которая затем немедленно проявляется во «всеобщей, но тайной торговой войне». Подобно тому, как он представляет

10. Там же. С. 314. Фихте предвидел для внутреннего пространства торгового государства ту же судьбу, что и для внешнего, через внешнюю замкнутость. По сути, только от государства зависит организация распределения товаров и разделение профессий. Закрытость от внешнего мира сопровождается внутри четко очерченными границами между жителями и их деятельностью. При таком положении дел конкуренция практически отсутствует. В «Экономических рукописях 1857–1859 годов» Карл Маркс определяет конкуренцию как упразднение границ внутри страны. Под влиянием гегелевской «Логики» в сложном анализе он пытается осмыслить капитал и его движение за границу, постоянно переключаясь между терминами *Grenze* и *Schränke*, оба из которых недостаточно определены.

себе последнюю войну, Фихте представляет себе последнюю тайную торговую войну. В процитированном выше отрывке Фихте *фактически* говорит нам, что более или менее кровавый характер последней войны зависит от секретных вооружений государства, его нераскрытых закупок и инвестиций. Таким образом, последняя торговая война предшествует последней государственной войне, происходит одновременно с ней или является ее частью. Мощь этой тайной торговой войны уничтожает жестокую силу и кровь последней войны.

Таким образом Фихте проясняет главную проблему античных философов. Очевидно, что предметом обсуждения является грубая сила, кровь и жертвы. Чтобы проект был идеальным до самого конца, война должна быть действительно войной, и прежде всего она должна быть последней войной, утратившей все свои негативные свойства. Оккупация в этом смысле означает последнюю заботу о границах, последнюю мобилизацию, последний выход всего населения на свои границы и, наконец, последний рывок вперед своей границы и еще дальше — на врага своего государства. Однако Фихте представляет себе войну без кровопролития, потому что он представляет ее без другого, который, поскольку он не сопротивляется, уходит не только за пределы наших границ, но и за пределы нашего взгляда. С этого момента другой не только не является продуктом самостоятельности государственного эго, то есть границей силы самостоятельности государственного эго, но уже и не существует вовсе. Таким образом, граница — это не только граница с внешним, она больше не граница, она не объединяет и не разделяет, и в этом бесконечном интерьере закрытого государства оно больше не способно чтить другого, тем более существовать перед другим, быть в соседстве с другими. Быть дома в рамках этого проекта означает быть внутри укрепления, которое тем не менее полностью обращено на самого себя, фактически на свою кровь, на свою *Mutterland*, родину. В любом случае фикция границы обнаруживает кровь без кровопролития.

Библиография

- Гегель Г. В. Ф. Философия права // Пер. с нем. Б. Г. Столпнера // Соч.: В 14 т. М.; Л.: Соцэкгиз, 1934. Т. VII.
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов (первоначальный вариант «Капитала») // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Политиздат, 1968. Т. 46.
- Фихте И. Г. Замкнутое торговое государство // Соч.: В 2 т. / Сост. и прим. В. И. Волжского. СПб.: Мифрил, 1993. Т. II. С. 226–357.
- Balibar É. Fichte et la frontière intérieure // Idem. La crainte des masses. P.: Galilée, 1997.
- Giraudoux J. Pleins pouvoirs. P.: Gallimard, 1939.
- Haushofer K. Grenzen in ihrer Geographischen und politischen Bedeutung. B.: Vowinkel, 1927.

PETAR BOJANIĆ. Institute for Philosophy and Social Theory, University of Belgrade, Serbia; Ural Federal University (UrFU), Ekaterinburg, Russia, bojanicp@gmail.com.

Keywords: Johann Gottlieb Fichte; Natural borders; Closed commercial state; Final war; Philosophical privilege; Commercial warfare; State sovereignty.

The article examines Johann Gottlieb Fichte's concept of the "closed commercial state" and his views on war and borders. The author analyzes Fichte's use of the term "natural borders" and its role in legitimizing state consolidation through warfare. The paper explores Fichte's argument that philosophers have historically "sighed over wars" and his assertion that war is inevitable in the current state of affairs. Fichte proposes that to abolish war, its root cause must be eliminated by allowing each state to obtain its natural borders. The author delves into Fichte's notion of the "closed commercial state" and how it relates to the idea of natural borders. Fichte envisions this state as self-sufficient and detached from others, with clearly defined boundaries. The concept of "internal borders" is also discussed as a means to surpass and replace natural borders.

The paper examines Fichte's justification for a "final war" that would end all future wars by establishing natural borders. The author critiques the logic of this argument, noting that it could potentially lead to a global conflict. Fichte's attempt to make this final war as peaceful as possible is analyzed, including his idea of an "occupation march" rather than a bloody conflict. The author argues that this conception relies on negating the existence of the "other" state. Finally, the article discusses Fichte's view on commercial warfare and its relation to territorial conflicts. The author concludes by reflecting on how Fichte's project of a closed state ultimately turns inward, negating the very concept of borders as interfaces with others.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-6-257-273

References

- Balibar É. Fichte et la frontière intérieure. *La crainte des masses*, Paris, Galilée, 1997.
- Fichte J. G. Zamknutoe torgovoe gosudarstvo [Der geschlossene Handelsstaat]. *Sochineniia: V 2 tomakh* [Works: In 2 Vols], St. Petersburg, Mifril, 1993, vol. II, pp. 226–357.
- Giraudoux J. *Pleins pouvoirs*, Paris, Gallimard, 1939.
- Haushofer K. *Grenzen in ihrer Geographischen und politischen Bedeutung*, Berlin, Vowinckel, 1927.
- Hegel G. W. F. *Filosofia prava* [Grundlinien der Philosophie des Rechts]. *Sochineniia: V 14 tomakh* [Works: In 14 Vols], Moscow, Leningrad, Sotsekgiz, 1934, vol. VII.
- Marx K. *Ekonomicheskoe rukopisi 1857–1859 godov* [Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie]. In: Marx K., Engels F. *Sochineniia* [Works], Moscow, Politizdat, 1969, vol. 46.